

г. Москва

ТРАГЕДИЮ МОЖНО ПОБЕДИТЬ!

Здесь всего два цвета — черный и белый. С самого начала, с первой минуты действия театр, драматический театр имени Станиславского, предугадывает: тема спектакля — жизнь или смерть, свет или тьма, созидание или разрушение, счастье или смерть перед лицом или выживание ему сопоставление.

Героя зовут Адам, как библейского первого человека. Есть и Ева, и рай сначала, и искушение потом, и изгнание из рая.

Но история эта современна. Спектакль так и называется — «Современная трагедия». Адам — талантливый ученый-физик. Безработный. Где-то в воюющей джунгли и тигриные ананасы в прорезях протрещило ему второе солнце — искусственное, ядерное.

Но кому нужно солнце — теленку, человеку, от которого распускаются цветы и прорастают цветы, или нужно это солнце в разрушающемся мире сыплет Солнце как нужно — нужно оружие. На сцене появляется некий господин Силов, представитель Гамма-концера. Он предлагает большие деньги, целый остров, своего рода рай-модерн для Адама и его возлюбленной Евы.

Они водворились в этот рай. Адам робко требует условий для работы над мирным использованием его солнца. Но Адама не слушают — полным ходом идут испытания невиданного оружия массового уничтожения.

А Ева ждет ребенка. А Ева хочет жить. А вокруг Евы — смерть, злона, страдания испытываемы. И тогда, чтобы спасти Адама от самого себя, Ева бросается в воды океана, зачумленные проданным солнцем, и гибнет. Вот и все. Таков современный вариант библейской легенды об Адаме и Еве.

Художник спектакля — Э. Штенберг. На сцене все время черно-белые кулисы. Все время резкие линии и густые, туго налитые цвета: красный, синий, желтый, зеленый. Какая-то фантастическая цветовая докучивание попятой частью художника пещеры о человеческой жизни и человеческой смерти.

Вот автор возмущает появление Евы. Только что рожденная его фантазией, она идет огтуда, где пахнет медом и травой, где спякоины люди и облака, где слышны только разрывы весенних гроз. Она идет, она приближается, она сейчас придет, сейчас...

Цветы ожиданий, цвета надежды, цвета любви, цвета счастья — прирост голубой, фиолетово-розовый, преимущественно синий, напоенно-желтый, ликующе-алый. Сцена попеременно погружается в этот волшебный спектр красок — и они все, сливаясь вместе, рождют непорочную белизну Евы — она появляется в легком белом одеянии с тугими белыми цветами лилий в руках.

А потом на сцене мифический Остров — рай, безмятежное царство природы, радостное царство красок — синие моря, желтые апельсины, зеленые пальмы, красное солнце, фиолетовые закаты, черные ночи, белые цветы. И вдруг! Вдруг все это гаснет. Гаснет жизнь. И всю сцену ледяным своим саважом окутывает смерть. Призраки убитых, призраки Хиросимы, люди без плоти и крови, люди, сожженные из

одного возмущения, люди, бродящие в ночной мгле — в снах человеческих, в лабиринтах совести человеческой, разума человеческого.

А после этого сразу отчаянный крик протеста, самоубийство Евы, и опять на сцене два цвета: черный и белый. Черный цвет траурно-похоронный служанки Лолы и белый, как тогда, но уже трагически белый одеяние умирающей Евы. И тревожно всхлиывающий зеленый глазок сейфа, где хранятся чертены Адама, и красный огонь лампы, пожирающий их. — Адам унытокает свои чертены.

Музыка спектакля (композитор А. Шнитке) — тоже полубесовский его компонент. И она четко контраста, броска, ярка: лирические мелодии ожидания Евы, экзотические всплески туземных лассов, тревожное тремоло оркестра, сопровождающее призраки Хиросимы. И особенно музыка «солнца», его лейтмотив, дикородная пульсация звуков, напоминающая сигнальную лампочку на пульте управления или сжимающееся ожиданием сердце.

Все это вместе — оригинальная завлека драматурга Реваса Образидзе, оформление Э. Штенберга, музыка А. Шнитке — буквально выстрелено в зрительный зал.

Но вот идет второй акт, третий. И вы начинаете понимать, что драматург, а вслед за ним и театр — далеко не последовательны в осуществлении своих замыслов и прежде всего попытке философски обобщенного видения современности. Что-то прозашло — то ли не хватило горючего, то ли маршрут был неясен.

Во-первых, что случилось с Автором? Был такой персонаж в первом акте — Автор (актер А. Глазырин). Вполне современный, обаятельный, интеллигентный человек в хорошем костюме и розовых очках. Ходил по сцене, на ходу предвидял ситуации и героев, советовался с ними же — какое бы имя дать яму, иногда даже медал героям, особенно влюбленным Адаму и Еве, а после конца каждого акта ударял в гонг. Но главное — Автор прямо и тенденциозно обращался со сценой и зрителем — и это было вполне в духе пьесы.

И вот едва-ли успел появиться в акте герою, как Образидзе уже убрал его со сцены. Спешит превратить Автора в Доктора и получил просто еще один, очень обычный, разрозненный персонаж.

В спектакле много рассуждают о проблемах войны и мира, но рассуждения эти распылчаты, туманны, а многие мысли слишком общеизвестны. А ведь обобщенно философская постановка проблемы не исключает автора от необходимости чувствовать себя человеком 1961 года, давать сегодняшнюю, конкретно историческую оценку событий. Поэтому философия пьесы порой приобретает оттенок ложной многозначительности, обречивается претензией на философию.

И в результате увлечает прежде всего семейная драма Адама и Евы, которая

должна была бы быть наиболее яркой именно и мысли спектакля, к его образно-философскому стержню, а чертень явно расшатался. Осталось в общем-то знакомое по многим пьесам на зарубежную тему история метаний талантливого, но слабохарактерного ученого, вынужденного продавать свои изобретения, история постепенного прозрения его жены, защищающей жизнь своих будущих детей.

Но здесь, в этом спектакле, их тем более не должно было быть. Таких обобщенных людей с обидными заботами — о муже или о жене, о доме, о детях, о еде.

Молодая актриса Г. Рыжкова неплохо играет эволюцию своей героини от депрессивно-исполненной особы к протестующей женщине. Е. Урибинский как всегда, темпераментен, дает острый, нервный рисунок роли. И все же — это обычные люди, а не те Адам и Ева, которые призваны были прежде всего решить какую-то очень важную философскую мысль спектакля.

Драматург, а вслед за ним и театр остановились где-то на полпути между философским обобщением и серпундальным бытовым правдоподобием. Если на сцене действуют такие в общем-то вполне реальные Адам, Ева, профессор Моор, господин Силов, то зачем здесь же «бронзовые девушки» и призраки Хиросимы? И поэтому лишней и всего лишь претензия

озкой выглядит история любви азиатского островитянина Таки и Еве, терзания этой новости Евы.

В спектакле есть сюжетная кульминация, но нет кульминации протестующей мысли. Протест против войны, против оружия массового уничтожения, от — во многих стихиях, где-то даже физиологичен, потому что выражен прежде всего почти инстинктивным порывом Евы. Социальный же протест профессора Моора против сил, разрывающих войну, — это протест, несмотря на сильное исполнение Яншиным роли профессора, заглушается самоубийством Евы. И что это за сила? Они в спектакле стихийны, а значит неподконтрольны, как землетрясение, как тайфун. Это силы зла вообще. Отсюда, намеренно, то, что протест против войны не имеет в спектакле точного адреса и потому граничит с пацифизмом. Отсюда и пессимизм финала.

А ведь трагедию можно победить!

Драматический театр имени Станиславского ищет свое место в гуще проблем современности, ищет его нервно, напряженно — свое место. «Современная трагедия» — тоже поиск. Во многом не удавшийся. Но ведь поиск — это не всегда дважды два. Ведь мы каждый раз снова решаем эту сложную арифметическую задачку...

В. ИВАНОВА.